

СТРЕЛОК С СЕВЕРА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

АЛЕКСАНДР
ПРЯЛУХИН

Александр Прялухин

**Стрелок с севера.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Прялухин А.

Стрелок с севера. Сборник рассказов / А. Прялухин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966685-7

Страшные и смешные, короткие и не очень, фантастические рассказы об ужасе, притаившемся в стенах старой коммуналки, о том, как человек смотрит на обломки прежнего мира сквозь перекрестие прицела, об одиночестве и жизни после ядерной войны, об отношениях между людьми-преступниками и полицейскими-андроидами, о любви и ненависти.

ISBN 978-5-44-966685-7

© Прялухин А.
© Издательские решения

Содержание

Стрелок с севера	6
Иди по коридору и не касайся стен	17
Драконы вернулись	22
Высшая мера	26
Симулятор	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Стрелок с севера Сборник рассказов

Александр Прялухин

© Александр Прялухин, 2019

ISBN 978-5-4496-6685-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стрелок с севера

Она убивала. Без жалости, без мук совести. Заняла позицию на каменистой возвышенности, догоняла разбегающихся людей перекрестием оптического прицела, нажимала на спусковой крючок. Несколько тел уже лежали на земле, для остальных не было спасения – куда бежать в пустыне?

Впрочем, достаточно. Аккуратно закрыла пластиковой крышкой окуляр: об оружии она заботилась, берегла его. Закинула винтовку на плечо и двинулась на северо-запад, прочь от еще одного запуганного поселения. Конечно, на всех патронов не хватит, но она будет убивать столько, сколько сможет. Пока идет к своей цели.

Для ночевки нужно было выбрать такое место, где можно развести костер, не опасаясь, что его видно на несколько километров вокруг. Небольшое ущелье вполне годилось. Здесь могут быть змеи, но это лишь пресмыкающиеся, не люди. Нет смысла бояться их или ненавидеть. Просто надо быть осторожнее.

Разогрела нехитрый ужин, поела. У нее еще оставался кофе, из того большого магазина, не до конца разграбленного мародерами. От кружки шел аромат, который заставил ее тихонько стонать, закрыв глаза. Невольно нахлынули воспоминания о другой жизни, где хороший кофе был обыденностью. Там было счастье, детский смех, крепкие объятия любимого. Тряхнула головой. К черту! Надо почистить винтовку...

С утра сверилась с бумажной картой. Намного удобнее было бы пользоваться смартфоном, но заряжать его негде, да и спутники на орбите выходили из строя, точность позиционирования ухудшалась с каждым месяцем.

Сегодня на пути, возможно, встретится еще одно поселение. По крайней мере раньше там было несколько домов, заправка, и магазин. Отлично! Может быть, получится и патронов раздобыть. Она закрыла нижнюю часть лица черным платком – ветер гнал ей навстречу песчаную пыль.

Когда солнце повисло в зените, на горизонте появились какие-то строения. Теперь надо осторожно! Чтобы не заметили раньше времени. И выбрать удобную позицию. Эх, жаль нет возвышенности, вокруг ровная, как стол, местность. Ну да ничего, не впервой. Вон там вполне подходящие развалины, чтобы с их стороны подойти к поселению.

Кажется, над домами тянулась тонкая струйка дыма. Да, точно. Значит, здесь и правда кто-то живет. Пока живет... Женщины, дети? Не имеет значения.

Последние пятьсот метров пришлось идти пригибаясь. Сняла винтовку с плеча, щелкнула предохранителем. Довольно близко к домам, даже оптика не понадобится, глазомер у нее хороший, пристрелянный. Легла на бетонную плиту, осторожно выглянула из-за обломка стены. Никого. Ага, вот появилась женщина с тазиком, наполненным какими-то тряпками. И еще на крыльце сидит сухонький старикашка, она его сразу и не заметила. В руке сжимает карабин. Пожалуй, имеет смысл уложить его первым. Приклад в плечо, палец на крючок.

Она услышала позади шорох. Хотела обернуться, но... поздно! Сильный удар по затылку, в глазах потемнело, и горячий пустынный мир, со всеми жалкими, ненавистными людишками, растворился в небытие.

Сознание возвращалось медленно. Сначала пришла боль. Голова раскалывалась, словно она была наковальней, по которой кузнец долбил своим молотом. Заставила себя открыть глаза. Темно. Сколько же она была в отключке? Рядом горел костерок, кто-то подбрасывал в него щепки, сухие ветки.

Попыталась приподняться и невольно застонала. Человек обернулся, подошел к ней, помог сесть. Она почувствовала, что руки связаны за спиной.

– Как звать?

Ничего не ответила. Смотрела зло, исподлобья. Перед ней был огромный, сильный мужик, кулаки которого смахивали на тот самый молот кузнеца. Пожалуй, одним из них он ее и огрел.

– Ты убивала людей? На тридцатом разъезде? И в жестяной деревне? И на окраинах города?

Она приподняла подбородок, хотела с вызовом бросить ему в лицо – «да, я убивала!». Но язык с трудом ворочался, во рту пересохло, она закашлялась.

Мужик встал, принес ей кружку, прижал к губам, наклоняя.

– Пей, пей. Не отравлю. От этого голова не будет так болеть.

Она выпила что-то горьковатое, но приятное на вкус. Мысли прояснились, боль действительно стала уходить. Облизнулась, заставив себя не говорить «спасибо». Не за что ей его благодарить.

– Давай уже...

Он посмотрел на нее вопросительно.

– Давай – делай, что задумал, и кончай со мной. Во всех смыслах... Не ты первый, но, надеюсь, последний. У меня нет иллюзий насчет вашего брата.

Мужик опустил перед ней на корточки, покачал головой.

– Меня Денисом зовут.

В ответ снова молчание.

– Значит, это все-таки ты.

Опустила глаза, кивнула – уже без вызова, без злости.

Он поджал губы, вернулся к костру, поворошил угли толстой веткой. Двое сидели друг напротив друга и долго не разговаривали, даже не смотрели.

– Катя.

Денис обернулся, посмотрел на нее испытующим взглядом, кивнул, что, наверное, означало «очень приятно, Катя».

– Поесть я тебе не дам, потому что сотрясение, стошнит. А воду пей. Хочешь?

– Хочу.

Он выпоил ей еще одну кружку.

– У меня там, на заправке, сестра живет. С детишками. Так что прости, дорогуша, больше ты убивать не будешь.

Катя усмехнулась.

– Вы идиоты. Сестра у него... И что? Ходишь к ней в гости? Как ни в чем ни бывало? Будто ничего не случилось, и весь мир прежний, и можно вот так запросто ходить друг к другу в гости, устраивать вечеринки, или что там у вас... Да?

Денис спокойно смотрел на нее.

– В общем, да. Жизнь продолжается.

Она сплюнула в сердцах.

– Ложись спать, Катя. Не бойся, не трону. Но руки не развяжу. И сон у меня чуткий, так что не делай никаких глупостей. Просто выспись, хорошо?

Проснулась она от боли. Сильной, жгучей боли! Взвыла, попыталась вскочить, но неуклюже опрокинулась обратно, не имея возможности помочь себе руками. Краем глаза заметила извивающуюся кольцами ленту, скрывающуюся в кустах.

– Что? Что случилось? – Денис проснулся, смотрел на нее широко открытыми глазами, – Да не ори ты! Скажи нормально!

– Змея! Змея, мать твою. М-м-м...

Он подошел к ней, осмотрел.

– Куда укусила?

– В бедро... Господи, сделай же что-нибудь...

Он рванул на девушке ткань армейских брюк, взгляделся, нашел две маленькие, кровавые точки. Припал к ним губами и стал высасывать. Сплюнул, снова наклонился. И так несколько раз. Потом сбегал за фляжкой.

– Сейчас будет немного больно.

Вылил чуть-чуть на рану. Катя вздрогнула, снова завывала.

– Потерпи. Сейчас! Я сейчас. У меня где-то было...

Он перерыл весь свой рюкзак, наконец достал что-то, зашелестел оберткой. Протянул ей на ладони два кругляша таблеток.

– Ешь. Ешь давай! Я принесу запить.

Через полчаса боль утихла. Вокруг раны образовался синяк, но в остальном укус ползучей твари прошел для Кати без последствий. Денис развязал ей руки, справедливо полагая, что в таком состоянии девушка вряд ли сбежит. Сказал ей сесть рядом. И, хотя до утра уже оставалось недолго, она смогла задремать, прижавшись к мужчине спиной.

– Куда ты идешь?

Они неторопливо, с поправкой на ее хромоту, ковыляли по пустыне.

– Домой.

– А где твой дом?

– На станции.

Катя встрепенулась, с удивлением посмотрела на Дениса. «Что ж, значит само провидение послало мне испытание и этого человека!».

– На АЭС?

– Да. Теперь там город. Порядок, закон, и суд. Для таких, как ты.

– Порядок? Хм. Отлично.

Она вспомнила, как ярким, солнечным днем стояла в оцеплении вокруг станции, вместе с остальными, такими же, как она, полицейскими – напуганными, ничего не понимающими. Сначала им повезло: ни один из ударов не пришелся прямо по АЭС, ближайший ядерный гриб вырос в нескольких сотнях километров оттуда. А потом не повезло.

Появились люди с оружием, завязалась перестрелка. Кого-то убили, кого-то взяли живьем. Дальше воспоминания были путанными, обрывочными. Одно из служебных помещений станции, боль, ненависть... И еще – упаковки взрывчатки. Зачем им было взрывать АЭС, когда кругом и так апокалипсис, черт его знает. Просто сумасшедшие анархисты. Но они ушли, а станция так и не взорвалась. Катя выбралась оттуда, закрыла за собой служебное помещение, написала на двери «радиоактивные отходы». Ей очень хотелось верить, что туда никто не посмел войти, и взрывчатка до сих пор внутри, дожидается своего часа. Потому что теперь у нее была совсем другая цель. Станция – крупнейшее из известных ей поселений. Можно одним махом покончить с этим муравейником, и тем самым, возможно, с остатками человечества, которое не заслуживает жизни на Земле!

– О чем задумалась?

Она мотнула головой – «ни о чем».

– Больно идти?

Не ответила. «Да, больно. Но не помогай мне. Не помогай, пожалуйста! Я не имею права снова верить в человечность!».

– Давай помогу, – закинул ее руку себе на плечи, ухватил за бок широкой ладонью.

Ее не готовили к войне. Да, учили обращаться с оружием, выживать в экстремальных условиях, работать в команде, знать законы... Да много еще чему. Но не воевать.

Отряд прижали к охраняемому периметру – казалось, пули свистят сразу со всех сторон, рядом один за другим падали товарищи. Командир что-то надрывно кричал в рацию, потом отбросил ее, скомандовал всем отходить на территорию станции. Кольцо сжималось.

В какой-то момент Катя вдруг поняла, что ни справа, ни слева ее не поддерживают огнем. Кончено... Люди, одетые кто в хаки, кто в кожу с заклепками, выставили оружие и подходили к ней со всех сторон. Она отбросила автомат, подняла руки вверх. Потому что так учили – в безвыходной ситуации старайся сохранить свою жизнь. Дура. Лучше бы приняла смерть... Избили, затащили в темное помещение, сорвали одежду...

Катя подскочила, испуганно оглядываясь. Сон. Это был всего лишь сон. Она задремала на пять минут, пока Денис объявил последний привал – убрать с глаз долой то, что светить не стоит, достать из рюкзака то, что может понадобиться. Он готовился ко входу в город.

Солнце еще высоко и они могли видеть грандиозный комплекс атомной станции, обросшей за последние годы лачугами, надстройками, дымящимися трубами, и окруженной высоким металлическим забором.

– Идем, – он помог ей подняться на ноги: бедро все еще болело от укуса змеи.

Не торопясь двинулись навстречу городу. Ближе к воротам он снова остановился, посмотрел на свою спутницу.

– Что? – она устало вытерла пот со лба.

– Я передумал.

– Насчет чего?

– Не буду говорить, что это ты отстреливала людей в пустыне.

Катя приподняла брови, искренне удивившись.

– Не будешь? Чего это вдруг? Мне твои милости не нужны!

Денис усмехнулся.

– Да уж, конечно... Но людей не вернешь, а тебя – там, в городе – на куски порвут. Ну, или подвешат за шею, если будут следовать закону.

– И пусть бы подвесили, – проворчала она в ответ, догоняя Дениса ковыляющей походкой, потому что он ее уже не слушал, шагал к воротам, – Я говорю – пусть бы подвесили! Меньше мучаться в этом дерьмовом мире.

Он не обращал на нее внимания, и Катя вынуждена была признать, что этот большой и сильный человек сумел ее удивить. Он не просто дуболом.

Сверху, из маленькой смотровой башни, спустили на веревке жестяной лоток. Денис что-то бросил в него, лоток уполз наверх. Через мгновение раздался крик: «Открывай – гражданин у ворот!».

Створки со скрипом разошлись – ровно настолько, чтобы гражданин смог протиснуться. Катя протиснулась следом.

– Это кто? – с подозрением спросил охранник, встретивший их с той стороны.

– Моя женщина.

Охранник поджал губы, кивнул. Катя старалась не поднимать голову, не смотреть в глаза тем, кто попадался им на пути: ей казалось, что каждый увидит в ее взгляде смерть. Не свою, так своих близких.

– Нам сюда, – Денис потянул ее за руку, увлекая вверх по лестнице, пролет за пролетом, к поясу неказистых строений, кольцом охватывающих градирню – широкую башню, когда-то построенную для охлаждения воды на АЭС.

Нижний ярус построек состоял из открытого подвесного балкона, они обошли по нему половину башни, потом поднялись на второй ярус, где еще на одном посту охраны их обыскали – впрочем, не слишком тщательно. Видимо, здесь Денису доверяли. Наконец, на третьем уровне они оказались перед дверью, не иначе демонтированной когда-то в большом и богатом доме. Денис толкнул пятерней резное полотно из красного дерева и они вошли в уютный, хорошо обставленный кабинет. Через окна открывался вид на большую часть станции, задымленную дровяными и угольными печами.

– Здравствуй, здравствуй! Ожидал тебя завтра, не раньше, – из-за стола поднялся невысокий, тучный человек с маленькими, хитрыми глазами. Пожал Денису руку.

– Получилось немного быстрее, – ответил тот, – Хотя...

– Да, слышал про твои неудачи, – человек похлопал его по плечу, – А это кто с тобой?

– Мои неудачи? – Денис напрягся, потом обернулся на Катю, раздумывая, как ее представить.

– Неужели шериф решил покончить со своей холостой жизнью, и нашёл-таки в пустыне достойную женщину, а? – человек весело улыбался.

«Шериф?!». Катя приоткрыла рот, глядя на спутника, которого считала, может быть, кузнецом, или кочегаром, но никак не стражем порядка. Хоть он ее и вырубил.

– Пока она просто моя женщина. Там поглядим. Так что с неудачами, губернатор?

Толстяк вернулся за стол, собрал в папку документы, бросил их в выдвижной ящик.

– Стрелок-то твой – вовсе и не на юге был, куда ты его ходил искать. Не нашел ведь, так? С пустыми руками вернулся? Ну, не считая... – губернатор снова заулыбался, глядя на Катю, – Я думал, тебе уже сказали.

– Что сказали? Где он был?

– На севере, дорогой ты мой, на севере! Вот, у меня тут... – потряс другими бумагами, – Целая кипа донесений. Двадцать один труп! За четыре дня. И все на севере.

Денис подошел, взял бумаги, стал проглядывать их, одну за другой. Глянул мельком на Катю, которая, казалось, еще ниже опустила голову.

– Так что отдохнуть тебе не придется! Сразу не прогоняю, переночуй, но уж завтра с утра – на север! – погрозил пальцем губернатор и тихо добавил, – А иначе добрые самаритяне нас с тобой живьем съедят. Какая же мы после этого власть...

Денис развернулся, собравшись уже уходить, когда губернатор остановил его.

– Может, все-таки возьмешь людей, джип?

По взгляду в ответ понял, что пустое.

До обиталища Дениса пришлось добираться дольше. Катя гадала – почему он не поселился с остальной знатью, на стенах башни? Впрочем, она бы и сама не полезла наверх: вид хороший, от простолюдинов подальше, но случись что, этот народ здесь тебя и запрет, пока с голоду или от жажды на грешную землю не спрыгнешь.

Идти пришлось по узкой улочке, между заброшенных корпусов станции, мимо многочисленных лачуг и домиков, слепленных из чего попало – листов фанеры, шифера, жести, тряпок... Люди с опаской и любопытством поглядывали на спутницу шерифа, почти не обращая внимания на него самого. Чувствуя эти скользкие, ощупывающие взгляды, Кате хотелось снова взять в руки винтовку.

Дорогу перебежала девчушка, маленькая, лет шести. Ее догнал мужчина. Отец? Он схватил малышку за волосы, потащил, вопящую, обратно.

– Маленькая тварь, я покажу тебе, как...

Внезапно наткнулся на Катю и замолчал. Та смотрела на него таким ледяным взором, что мужик невольно стушевался, отпустил девочку.

– Идем, – Денис повел ее дальше, чувствуя, что еще мгновение и Катя ударила бы этого горе-родителя, – Не лезь не в свое дело. Без тебя разберутся.

– Я вижу... – буркнула она себе под нос.

Дом шерифа, хоть и более основательный, крепкий, нежели хибары бедного люда, выглядел скромно. Он походил скорее на строительный вагончик, тем не менее внутри было уютно: небольшая кухня, спальня, душ и туалет.

– У тебя что, и горячая вода есть?

– Можно согреть.

– Я сто лет не принимала душ.

- Сейчас включу, можешь помыться. Потом приготовь что-нибудь поесть.
- Я в кухарки не нанималась.
- Я тоже.

Она вышла из душа через двадцать минут – мокрая, покрасневшаяся. Полотенце просить не стала, да ее это и не смущало: натянула на голое тело длинную футболку.

Критически осмотрев свою сожительницу, Денис открыл комод, достал какую-то тряпку и швырнул ее ей.

- Будешь носить эти брюки. Свои убери.

– Мои меня вполне устраивают. Они эластичные и не мешают при ходьбе, не висят на мне, словно мешок.

– Ничего, привыкнешь и к тому, что висит как мешок. А то я уже в сотне взглядов прочитал комментарии к твоей туго обтянутой заднице.

Катя хмыкнула, пошла на кухню, стала шарить по шкафам. Вскоре зашкворчало и в комнату потянулся приятный запах. Ели они молча, с наслаждением утоляя голод. У шерифа даже нашлось немного выпить – Катя осушила стакан не спрашивая, что в нем. По чистому, сытому телу разливалась приятная теплота и дрема. Девушка знала, что он будет задавать вопросы, еще не высказанные вслух, повисшие в воздухе. Но ждать – когда же шериф сочтет нужным устроить допрос – не собиралась.

– Я лягу на пол, мне ничего не нужно. Насколько я себя знаю, ночью не храплю, так что сильно не побеспокою. Только не лезь. Пожалуйста.

Ничего не сказав, Денис погасил свет, вымыл посуду и лег в свою постель.

– Ты его знаешь? Стрелка с севера? Или, может, предполагаешь – кто бы это мог быть? У тебя есть друзья с похожими... э-э... наклонностями?

«Началось! Немного не успела уснуть».

– Дай-ка подумать... Кто же из оставшихся от семи с лишним миллиардов может ненавидеть свою жизнь, чтобы иметь «похожие, э-э, наклонности»? Хм, да пожалуй все!

– Не ерничай. Я серьезно спрашиваю.

Она отвернулась на другой бок.

– Не знаю я никого. И не предполагаю. Просто я чокнутая, и там такой же псих. Вот и все совпадение.

Денис тоже отвернулся.

– Завтра я пойду его искать. Тебя за собой не потащу, оставайся. Не бойся, никто не тронет, пока живешь в моем доме, но если попробуешь удрать, помни – нужные люди за тобой приглядывают. Поняла?

Она кивнула, и, хотя он этого не видел, все-таки почувствовал, принял, как согласие. Успокоился и через несколько минут засопел.

Уметь просыпаться тогда, когда нужно, она научилась в более счастливые времена. Не надо мучаться, сдерживать себя, просто говоришь «проснусь через два часа» и закрываешь глаза.

В комнате темно. С улицы доносятся чьи-то голоса, но они далеко – здесь, рядом с домом, тихо. Катя поднялась бесшумно, подхватила обувь, одежду, взглянула на темный угол, где стояла кровать. «Эх, жалко не знаю, куда он оружие спрятал. Но копаться, искать слишком опасно. Может проснуться».

Выскользнула из дома и украдкой отправилась вдоль железного забора. Надо найти то место... То самое... Присела, замирая, когда рядом прошли патрульные, потом двинулась дальше. Жизнь в городе-станции не прекращалась даже ночью, но она будто становилась стыливой, прикрывающейся старыми зановесочками, переходящей на шепот. Где-то рядом стояли, залиvisto, то ли притворяясь, то ли правда с наслаждением. «Наверное, притворялись». Дальше был слышен плач – не детский, грубым мужским голосом.

Фонари попадались редко, и она старалась их обходить. В какой-то момент разглядела на заборе несколько тел, болтающихся на веревках. Представила себя рядом с ними, но видение ничуть ее не тронуло, не испугало.

Вот и пришла! Катя хорошо помнила расположение корпусов именно в этом месте: слева, сразу за забором, находилась точка, которую тогда за ней закрепили, где она отстреливалась, пока могла. Потом ее уволокли по бетонной дорожке, сейчас почти заросшей травой. Нагибаясь, девушка перебежала к темной громаде технического строения, поднялась по ржавой лестнице, опасливо оглядываясь по сторонам. Теперь вдоль парапета... Нашла.

Металлическая дверь, на которой сделана от руки надпись – «радиоактивные отходы». Взялась за ручку, осторожно нажала, собираясь потянуть на себя. «Ох, сейчас заскрипит...».

– Я же говорил, что сон у меня чуткий.

Денис одним махом запрыгнул с земли на парапет, прижал Катю за шею к стене.

– Что ж ты непослушная такая, а?

Хотела плюнуть ему в лицо, но сдержалась.

– Что там? – кивнул на дверь.

– Отходы, – процедила сквозь зубы, – Читать не умеешь?

– И какого черта ты туда полезла?

– Облучиться хотела. Чтобы сдохнуть наконец.

Денис скривился, потащил ее за шиворот прочь.

– Тернистый путь к самоубиению. Могла бы и попроще придумать. Ну ничего, теперь ты у меня правду расскажешь.

Редкие прохожие и патрульные с подозрением смотрели на них, но близко никто не подходил, вопросов не задавал. Шериф втолкнул девушку в свой дом-вагончик, пальцем указал на стул. Она покорно села. Он скинул ботинки, налил себе стакан воды, выпил, предложил ей, но Катя отказалась. Взял ее голову за подбородок, повернул к себе.

– Кем раньше работала?

– В полиции, – ответила тихо.

– Здесь была? На станции? Когда все рухнуло? В оцеплении стояла?

Сжала губы, ничего не ответила.

– Ясно. Стояла, значит. И понятно, почему такая злая. Только зря ты это... Люди – они не виноваты. Не они строили ракеты, запускали их.

Рывком дернула головой, посмотрела на шерифа исподлобья – все еще молча, но с таким огнем в глазах, что слов и не нужно.

– Под домашний арест, до моего возвращения. Еды хватит, воду принесут. Посиди, подумай над своим поведением. А вернусь – разберемся и с твоим радиоактивным хранилищем.

– Я с тобой пойду.

– Что?

– Я с тобой на север пойду. За стрелком. Можно?

Денис смотрел на нее долго, испытующе, сомневаясь и одновременно желая получше узнать странную девушку. Осталось ли в ней что-то человеческое?

– Можно.

Утром из города уходил поезд – мощный тягач, тащивший за собой несколько прицепов. Обвешанные самодельной броней «вагоны» оцетинились пулеметными турелями, на крышах, за приваренными бортами, сидели автоматчики. Обычные пассажиры старались не высываться – хотя дорога была исхожена, изъезжена, но береженого, как говорится, бог бережет.

Денис разглядывал карту, рисовал что-то карандашом. Казалось, он увлечен и ни на что больше не обращает внимания, но Катя была уверена – стоит ей сделать неверное движение, попытаться улизнуть, как тут же почувствует его железную хватку. Она и не пыталась, спокойно

смотрела в окно, больше похожее на бойницу. Теплый ветер задувал, трепал светлые локоны ее волос, прихваченные единственной заколкой.

– Смотри, – шериф показал ей карту, – Здесь обозначены все места, где стрелок нападал на людей. Видишь?

– Да, – она понимающе кивнула, – Он движется нам навстречу.

– Точно. Не так, как это делала ты, не хаотично. Появился в зоне влияния города и с тех пор возникает то в одном месте, то в другом, но каждый раз чуть южнее, не отклоняясь слишком далеко в стороны. Можно сказать – идет по прямой. Я думаю, что он не местный.

Поезд, не снижая скорости, пронесся через гряду ухабов, поднявшаяся пыль залетела в вагоны-прицепы, неприятно заскрипела на зубях.

– Ну и прекрасно, – она достала бутылку с водой, прополоскала рот, – Будет легче его перехватить.

– Есть еще кое что, отличающее его от тебя.

– Что?

– Несколько раз он забирал тела убитых.

Катя с удивлением уставилась на шерифа.

– Зачем они ему?

– Лучше не спрашивай.

Какое-то время она еще смотрела в окно, потом сказала:

– Было бы неплохо, если бы ты дал мне оружие. Не хочу следовать за тобой бесполезным балластом.

Денис усмехнулся.

– Я не уверен даже в том, что с тобой безопасно находиться, если ты без наручников! – и после минутного размышления добавил, – Посмотрим. Может быть позже.

Они сошли с поезда в одном из поселений, где стрелок убил троих: мужчину – главу семейства, и двух женщин. Шериф вошел в большой дом, собранный из досок и деревянных шпал. Кто-то плакал в комнате, занавешенной простыней, в сторону шарахнулась стайка ребятшек. К ним навстречу вышли двое молодых парней с автоматами, возбужденные, агрессивно настроенные. Но Катя знала эти эмоции, обычно за ними прятался страх.

– Кто такие? Какого черта надо?

– Мы из города, – спокойно ответил Денис и показал хозяевам свой значок.

Тот из парней, что постарше, зло ухмыльнулся.

– Проваливайте! Мы сами разберемся со своими делами!

Второй хотел что-то поддакнуть, когда их обоих мягко оттеснила женщина, на шее которой был повязан черный платок. Еще молодая, может, чуть старше Кати, но с таким грузом печали во взгляде, что не каждая старуха могла бы сравниться.

– Я поговорю, – отрезала коротко, заставив парней молча ретироваться, – Что вы хотели узнать?

Жестом пригласила их в комнату, где стоял старый диван.

– Я знал Георгия, – негромко произнес шериф, – Он был хорошим человеком.

Женщина кивнула, посчитав это вежливым сочувствием.

– Как все случилось?

Она сжала кулаки, так, что побелели костяшки.

– Позавчера вечером он пошел с дочерьми к ржавому холму, там у нас стоит ветряк, – кивнула куда-то за окно, – Пропала электроэнергия, такое иногда случается. Он хотел починить, а девочки должны были собрать зелень в теплице, там же, рядом с ветряком. И... Эта тварь уже ждала их.

Женщина совсем по-мужски сжала челюсти, смахнула украдкой слезу.

– Сыновья слышали выстрелы. Но когда прибежали – все было кончено. Выстрел точно в голову, из снайперской. Ольге, старшей, в сердце. А Яна, младшая... Мальчики видели только кровавый след, который обрывался в песках. Они искали, но убийца словно растворился. Забрал нашу девочку, и... Скоро стемнело, я запретила сыновьям идти в пустыню. Они бы пошли и на следующий день, но дом нельзя оставлять без охраны, здесь еще моя сестра с маленькими детьми.

Денис положил руку ей на плечо.

– Мы найдем его.

Женщина сжала его ладонь, но тут же отпустила, поднялась с дивана. Лицо ее снова было холодно и непроницаемо.

– Найдите. Она уже мертва, я знаю. Но... найдите!

Шериф со спутницей не остались на ночевку, хотя из вежливости их пригласили. Выбрали направление и ушли, когда небо стало темнеть. Южнее, если верить карте, находились три поселения. Они двинулись к ближайшему, надеясь перехватить стрелка. Уже после захода солнца остановились, поужинали нехитрыми запасами, не разжигая костер. Денис расстелил на песке брезентовую подстилку, поднял выпавший из кармана значок.

– Сам сделал? – хмыкнула она, разглядывая металлическую звезду, – В наше время мы такие видели только в голливудских фильмах.

– Она из игрушечного набора, – он лег, повернулся на бок, – Немного поспим, но до восхода отправимся дальше. Я разбужу.

– Сама проснусь.

Ночью пошел снег. Когда-то здесь была средняя полоса с умеренным климатом, но война и ее последствия уничтожили зелень на тысячи километров вокруг. Осталась только пустыня, климат которой совершал непредсказуемые кульбиты. Как сейчас.

Катя открыла глаза, чувствуя на щеках ледяные прикосновения снежинок. Белые хлопья кружились, неторопливо опускаясь на израненную землю. Денис тоже проснулся, посмотрел на снег, завернул края подстилки, так, чтобы они скрывали их с головой. Пришлось подвигнуться ближе друг к другу. Катя пыталась протестовать, но шериф прижал ее крепко, не собираясь лишиться дополнительного тепла. Она смирилась, закрыла глаза.

Утром напали на след. Его или не его – надо было еще выяснить, но цепочка оставленных отпечатков говорила о том, что не больше часа назад кто-то вылез из лощины и направился на юг. Следы тянулись от одного скального выступа до другого. Стрелок, если это был он, предпочитал не ходить все время по песку.

В какой-то момент они оказались на каменистом плато и совсем потеряли след. Продолжали идти на юг, внимательно оглядываясь по сторонам. Показался заброшенный корпус какого-то завода или фабрики, теперь уж не разберешь. Подошли к нему на расстояние в полкилометра, остановились. Денис снял с плеча винтовку, открыл окуляр оптического прицела. Солнце снова разогревало пустыню, от ночного снегопада ничего не осталось, над песками дрожало зыбкое марево.

– Он там.

Катя встрепенулась.

– Ты его видишь?

– Нет. Просто знаю. Там или где-то рядом.

Опустил винтовку, огляделся. Подумав несколько мгновений, протянул оружие девушке.

– Держи. Я пойду туда, а ты следи. Прикроешь меня, если что. Вот – пара обоймочек тебе про запас.

Она взяла винтовку с боеприпасами, удивленная и одновременно обрадованная. «Смелый ты, однако. Пойдешь вперед, зная, что я смотрю тебе в спину через окуляр. Я, стрелок с юга».

Шериф проверил кинжал в ножнах, щелкнул предохранителем автомата. Рюкзак с вещами сбросил на песок, рядом с Катей.

– Ну, пошел.

Спустился с бархана, не спеша направляясь к намеченной цели. Его фигура уменьшалась, пока не стала сливаться с темной стеной старого здания. Девушка прильнула к оптическому прицелу. По спине пробежала струйка пота. Не отвлекаться, не отвлекаться... Приклад в плечо, поудобнее. Сзади шорох. «О нет, опять...».

Удар по затылку был не такой сильный, как от кулака Дениса. Отключилась она не сразу, но винтовку выронила и мир перед глазами пошел кругом. Кто-то перевернул ее на спину, существо в накидке песчаного цвета, скрывающей бледное лицо. Еще один удар и девушка потеряла сознание. Кровь тонкой струйкой скатилась с виска, оставляя след на песке.. Кожистая рука с когтистыми пальцами обхватила катину лодыжку, потащила беспомощное тело за собой.

В лицо плеснули водой, ударили по щеке, потом по другой. Она разлепила веки, стараясь разглядеть окружающий мир. Похоже на подземелье, пещеру. Или подвал. Кто-то стоит перед ней, склонившись. Тряхнула головой, стараясь привести мысли в порядок. Существо с удовлетворением закричало – кажется, это был смех.

Она посмотрела вверх. Серебристый металл, руки прикованы к цепи, уходящей к сводчатому потолку. «Прекрасно». В нескольких метрах стояла прислоненная к стене винтовка, рядом еще одна, короче и без оптики. «Значит, это ты, стрелок».

– Чего тебе надо? Эй!

Оно повернулось к ней, оторвавшись от украденного рюкзака Дениса. Подошло ближе. Жуткое, изуродованное мутацией лицо, маленькие, черные бусинки глаз, словно у акулы, во рту виднеются мелкие острые зубы. Палец прикоснулся к ее щеке, царапая когтем.

– Тебя съем! Его – убью, – снова смех, похожий на кашель, – Скоро придет. Увидит – тебя нет, придет сюда. Знаю, куда заманить. Убью!

Сжал ее шею, так, что перехватило дыхание, но отпустил, отправился по своим делам.

Катя несколько раз проверила оковы на прочность, пыталась подтягиваться, дергать цепь – тщетно. Повисла бесполезным куском мяса, зажмурилась. Впервые за несколько лет ей хотелось заплакать, но не от страха, а просто от обиды. Так бездарно проеферить собственную жизнь! Уже в который раз пожалела, что ее не убили сразу...

Прошел почти час, прежде чем Катя смогла успокоиться, взять себя в руки. Снова взглянула вверх. Оковы самодельные, помесь кустарных звеньев, согнутых из толстого железа, и фабричного кольца из прошлых времен. Что за кольцо? Именно оно блестело светлым металлом. «Дура! Вот же дура! Это обыкновенные полицейские наручники!». Что ж, дело упростилось. Уж с этим браслетом она справится.

Внезапно где-то в глубине пещеры раздался выстрел. Винтовка! Та, что покороче, стрелок забрал ее с собой. Катя ждала, затаив дыхание. Через несколько мгновений прогремела автоматная очередь. Девушка ухмыльнулась – «одним выстрелом нашего шерифа не возьмешь!».

Она вертела головой, осматривая все вокруг, отчаянно стараясь сообразить – чем ей вскрыть половинку наручников. Все это время в пещере были слышны выстрелы. Катя замерла, вспомнив о чем-то, сделала усилие, подтягиваясь, запуская пальцы в волосы... «Вот она!». Вытянула заколку, зажала ее в ладони, стараясь не выронить.

Одиночные выстрелы и автоматные очереди медленно удалялись. «Заманивает его куда-то, гад!».

Она двигалась аккуратно, напрягая мышцы рук, чтобы дотянуться до замочной скважины, просунуть тонкий металлический стерженек. Щелк! Браслет раскрылся, отпуская ее покрасневшее запястье. Теперь она висела лишь на левой руке. Но самодельное звено не рас-

крыть, только если попытаться вывернуться. Как? Даже хорошенько смазав руку маслом это было бы проблематично, а так, посуху... «Ладно, придется потерпеть». Сложила ладонь лодочкой, отпустила цепь, за которую держалась свободной правой. Перенесла всю тяжесть на скованную левую. Железо больно врезалось в кожу. Девушка сжала зубы, застонала. Еще усилие... Сустав хрустнул, заставив ее громко вскрикнуть. От боли в глазах словно полыхнуло белой вспышкой.

Опомнилась она на каменном полу, катаясь с боку на бок, сжимая изувеченную конечность другой рукой. Автоматная очередь, прозвучавшая где-то далеко, окончательно привела ее в чувство. Катя вскочила, схватила винтовку, проверила обойму. Бегом, на звуки выстрелов!

По пути мелькнула предательская мысль о том, что можно все бросить, выйти из пещеры и отправиться своей дорогой. Но она упрямо бежала, перескакивая валуны, стараясь не поскользнуться на скользких участках. Вскочила в длинный тоннель. Где-то там, на другом его конце, виднелась маленькая фигурка в балахоне песочного цвета.

Катя вскинула винтовку, удерживая ее одной рукой, заглянула в оптический прицел. Изображение тряслось, но она смогла заставить себя застыть, не дышать хотя бы пару мгновений. Северный стрелок стоял над Денисом, который, кажется, получил два или три ранения, но был еще жив. Дуло короткой винтовки опустилось, готовое изрыгнуть свинец.

Девушка не могла держать оружие обеими руками, у нее не получилось бы прицелиться через спасительную оптику. И под ногой, как назло, предательски подвернулся камешек, скатившись по большому валуну. Стрелок обернулся, поднял винтовку, подарив шерифу еще несколько секунд жизни. Выстрелил. Пули разминулись где-то посередине тоннеля, каждая ушла в своем направлении, выискивая цель. Одна нашла...

– Как ты его, а? Ох, осторожнее...

Катя вытаскивала Дениса из пещеры уже битый час. И вот наконец Солнце! Откинулась на песок, стараясь отдышаться.

– Да... Это был выстрел... Что надо выстрел!

Они оба рассмеялись. Потом девушка поднялась, посмотрела на его раненую ногу.

– Больно? Идти сможешь?

Улыбнулся, но кисло, плохо скрывая недовольство самим собой, стыдясь сомнений, которые у него были по отношению к Кате.

– Я помогу, – взялась за его крепкую ладонь, поднимая на ноги, закинула тяжелую мужскую руку на свои хрупкие плечи.

Иди по коридору и не касайся стен

– Проходи, милый, проходи... – старушка впустила меня в прихожую, развернулась, и, удаляясь шаркающей походкой, растворилась в сумрачной глубине коммуналки.

Замок я, видимо, должен был закрыть сам. Справился кое-как, заторопился следом – в этом чудном лабиринте без провожатого недолго и заплутать. Запах подгоревшей еды и старой мебели, чьи-то пеленки, сохнувшие на веревке под высоким потолком, в глубине квартиры слышны громкие голоса и плач ребенка... «Ничего, зато центр города, от универа два шага, а во втором семестре, глядишь, и место в общежитии дадут». Запнулся за что-то, тихо ругнулся. «Что-то» мякнуло, сверкнуло зелеными глазами, скрылось в приоткрытой двери.

– Сюда, милый, сюда, – хозяйка съемной жилплощади повернула за угол, не по годам ловко увернулась от расставленных на полу вещей.

Мы прошли еще мимо нескольких комнат, снова повернули, и в темном тупичке уткнулись в старинные, резные полотна дверных створок.

– Фух... Устала! – провожатая прислонилась спиной к стене, стараясь отдышаться, – Дальше сам. Держи!

Протянула мне смешной, старинный ключ, с длинной трубкой и витиеватой головкой. Я хотел было вставить его в замочную скважину, но старушка перехватила мою руку.

– Эти открыты. Он от других дверей, там, дальше, – махнула рукой.

«Дальше?! Куда уж дальше...». Я толкнул створку, она со скрипом поддалась. Еще один коридор! Уже без дверей по сторонам, с глухими стенами, без окон, с единственной лампочкой, висевшей на проводе с синей изоляцией. Казалось, коридор был бесконечен, по крайней мере я со своего места не видел – где он там заканчивается? Впрочем, это лишь плохое освещение.

– Иди, осмотришься. Потом скажешь, что и как, понравилось, или... А я на кухню... Пойду... Чайку... Попью... – повернулась, зашаркала обратно.

«Что ж, в этом есть свои плюсы. По крайней мере, не слышно соседей, да и запахи ко мне, скорее всего, проникать не будут. Кроме того, обещан отдельный туалет!». Я приободрился и ступил в пыльное царство дореволюционной архитектуры, причудливо менявшейся с каждым следующим поколением жильцов.

Десять шагов, пятнадцать... Двадцать, черт побери... А вот и моя комната. Черная дверь, ждущая смешной старинный ключ. Вставил его в замок, повернул. Щелчок едва слышимый, механизм повернулся плавно, легко, будто его недавно смазали. Открыл дверь.

Комната как комната, вполне удобная и уютная. После темного коридора кажется даже светлой. Окно двустворчатое, высокое, почти как в старинных дворцах! Видок, правда, не ахти – двор-колодец, все как полагается, как и следовало ожидать. Но нам на это нечего смотреть. Так, еще одна дверь... Ага, обещанный туалет. Не евроремонт, конечно, но вполне сойдет.

В комнате стояли шкаф, односпальная кровать, письменный стол, стул. Вся мебель не бог весть какая старинная, скорее советских времен, годов эдак пятидесятых-шестидесятых. Переживем.

Я нашел старушку на кухне, отдал ей обещанную предоплату, а вечером вернулся с вещами. Допоздна развешивал свои шмотки, раскладывал по полочкам в шкафу. Подмел, обтер пыль, проветрил комнату. Постельное белье использовал, конечно, свое. Надо бы кипятильник завести, или даже плитку одноконфорочную, чтобы каждый раз на общую кухню не бегать. Только бабке не показывать, а то ведь она не хуже комендантши в общежитии – сразу выселит за такие дела.

Лег спать. Бывает, что люди на новом месте спят плохо, но это не про меня, я вырубился сразу. День выдался непростой, суетный, да и чем здесь заниматься вечером? Телевизора нет,

вайфая тоже, и мобильный инет в «колодец» с трудом пробивается. Даже девчонку в гости привести постесняешься, в эдакую-то бастилию.

Ночью вдруг проснулся, сам не знаю, отчего. Уставился в потолок. Потом включил телефон, посмотрел – который час? Половина третьего. Повернулся на бок, закрыл глаза, стараясь снова уснуть. И когда уже готов был провалиться в небытие, сознание снова дернуло за тонкие тревожные струны. «Да что такое?». Приподнял голову, вслушиваясь в тишину.

Шаги. Еле слышные, шаркающие. Сначала издалека, потом все ближе, ближе. Остановились у самых дверей. «Кто там? Старушке не спится?». Ужасно не хотелось вставать, вылезать из под одеяла, но и позволять ей расхаживать ночью у моей комнаты тоже не стоит, лучше этот момент сразу прояснить, поставить бабку на место.

Когда уже откинул одеяло, спустил обе ноги на пол, она вошла сама. Без стука, не спрашиваясь. Старуха подтянула к себе стул, села на него. Она была в белой ночнушке, оттеняющей ее и без того бледное, сморщенное лицо. Огляделась по сторонам, будто впервые видела эту комнату, вздохнула. Кажется, она хотела мне что-то сказать, но так и не сказала. Поднялась, вышла из комнаты, тихо притворила за собой дверь. Шаркающие шаги медленно удалялись.

Сам не знаю, почему я ее не пристрожил, не объяснил, чтобы она больше так не делала. Встал, закрыл изнутри дверь на ключ, оставив его в замке повернутым на ребро.

Прошло две или три недели, никто меня больше не беспокоил по ночам, и я почти забыл об этом случае. Но однажды вечером вернулся из университета и снова застал хозяйку у себя в комнате. Она сидела на том же стуле, на этот раз в обычном домашнем халате. По лицу ее было видно, что она взволнована, и, как только я вошел, она встала, приблизилась.

– Открывать... Сегодня открывай дверь! Ночью!

Старуха будто стала говорить с акцентом, коверкая слова.

– Что? О чем вы?

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Покачал головой, легонько подтолкнул ее к выходу.

– Послушайте, я плачу за комнату, чтобы меня никто не беспокоил. Если вы будете и дальше...

Она приложила костлявые пальцы к моим губам.

– Каждый год, в одну ночь... Мальчишка, ты должен...

– Все, что я должен, я уже заплатил. Если у вас тут какие-то ведьминские игры, то, пожалуйста, подальше от моей комнаты!

Выставил ее в коридор и почти закрыл уже дверь, как вдруг заметил в руке у старухи ключ. Глянул на замок. «Вытащила!».

– Верните, пожалуйста.

Она несколько мгновений смотрела мне в глаза, потом медленно вытянула тонкую руку, вложила в мою ладонь ключ.

– Когда мы окружить ваш город, – заговорила тихо, почти шепотом, – Сюда отправили отряд. Особенные специалисты, майстер ирес хандверкс. Особенное оборудование. Была среди них. Мы хотели проложить путь... Для наших зольдатен. Прямо сюда, в центр города.

Я нахмурился, ничего не понимая. Старуха тем временем продолжала.

– Мы смонтировали аусрустун, свою технику в этом доме, замуровали в стенах, оставив между ними коридор, – опустила голову, – Только никто не смог пройти.

Кажется, она готова была заплакать, так сильно ее взбудоражили воспоминания. Или, скорее всего, фантазии.

– Извини, – погладила меня по руке, – Я отщень волнуюсь, когда рассказываю об этом.

Может, бабка впала в старческий маразм? Черт его знает... Не пора ли ей вызывать неотложку? А то стою здесь, как дурак, сказки слушаю.

Она вдруг глубоко вздохнула, преобразилась, снова став спокойной, почти равнодушной. Указала на ключ.

– Ночью выйдешь в коридор – не трогай стены, – говорила уже без акцента, не спотыкаясь, – Дойдешь до противоположного конца, откроешь дверь этим же ключем. Там машинное отделение. Я не знаю, где оно находится, но оно все еще работает, потому что двери каждый год открываются. Сделай так, чтобы машины сломались. Навсегда.

Старуха замолчала, отвернулась и побрела прочь.

«Точно сбрендила. Надеюсь, у нее есть родственники, и они, если что, не выгонят меня из комнаты до зимних каникул. Впрочем, стоит пошариться в инете по объявлениям, на всякий случай».

Нужно ли говорить, что до полуночи я не ложился, а после, несмотря на все свои сомнения, встал и тихонько приоткрыл дверь. На первый взгляд ничего не изменилось – коридор оставался таким же. Противоположного конца не видать, но я уже знал – это лишь из-за плохого освещения. Вышел из комнаты, прошел несколько шагов. Вспомнилось «не трогай стены». Протянул руку, но тут же отдернул ее. «Черт, стремно как-то. А вдруг и правда... Ладно, все это легко проверить».

Уверенным шагом направился в сторону другой оконечности коридора. Прошел под одинокой лампочкой, все еще стараясь не касаться стен, хоть и посмеивался за это над собой. Сделал еще пять шагов... десять... Замедлился, а потом и вовсе остановился. «Что за ерунда?». Двери в коммуналку по прежнему не было видно. Обернулся. Открытый вход в мою комнату, едва освещенный с этой стороны, еще был виден.

Никакого страха я не испытывал, было лишь недоумение и любопытство. «Ну хорошо!». Упрямо двинулся вперед. Это было странно, нелепо и противоестественно, однако дверь впереди показалась лишь через несколько минут. Сколько я прошел? Метров четыреста? Пятьсот? Но я же прекрасно знал, что коридор совсем небольшой. А может, я заснул, и все это мне приснилось? Ущипнул себя за руку, закрыл и открыл глаза. Ничего не менялось.

– Чтoб тебя! – ругнулся вслух, – Это даже интересно.

Достал ключ, просунул его в замочную скважину. То, что дверь не та – не двустворчатая и резная – я заметил сразу. Она была из металла, подернутого пятнами ржавчины. Что-то было на ней написано, но краска облупилась, буквы потускнели, и разобрать надпись теперь было невозможно, хоть я и пытался. Кажется, она была сделана латиницей, за остальное поручиться нельзя.

В отличие от моей двери замок здесь провернулся с большим усилием и скрипом. Достал ключ, положил в карман. Толкнул дверь. Сразу же заложило уши от монотонного гула. Передо мной была небольшая лесенка из трех ступенек, я спустился, всматриваясь в окружающий меня сумрак. Воздух здесь казался спертый, помещение явно не проветривалось, и был еще какой-то, едва уловимый, запах. Машинное масло. Да, это был запах машинного масла.

С потолка лился слабый свет. Лампа была странной, словно в трубку люминесцентной запихали длинную нить накаливания, и горела она бледно-оранжевым светом. Вдоль стен помещения, насколько я мог разглядеть, стояли металлические шкафы. На их поверхности, словно декорации старого фантастического фильма, были многочисленные аналоговые индикаторы и шкалы. Но от декораций все это отличалось тем, что оно... работало! Стрелки вздрагивали, цифры менялись. И эти надписи... Снова латиницей.

– Да ну! Не может быть.

Я не полиглот, с трудом английский осваиваю, да и по-русски пишу с ошибками, но ума хватило, чтобы понять – это немецкие слова. И бабка – когда сбивалась от волнения – она же говорила... на немецком? «Ох ты ж мать твою так...».

Представив себе на секунду, как я даю интервью федеральным телеканалам о том, что нашел секретное немецкое оружие времен второй мировой, я опрометью бросился обратно.

У самой лесенки притормозил, взгляд мой упал на грудю тряпья, лежавшую в углу. Из под тряпок выглядывало что-то белесое. Потянулся, отдернул, разворошил... В страхе отпрянул, чуть не упав на спину. На меня смотрел пустыми глазницами человеческий скелет.

Я сглотнул, заставляя себя выйти в коридор. «Почему же они не смогли пройти в город?». Быстрым шагом, переходя иногда на бег, добрался до комнаты. По пути уже хотел звонить, и даже стал придумывать – куда для начала: местным журналюгам, в полицию, или, может, в городскую администрацию? Но вспомнил, что телефон с собой не взял.

На пороге комнаты вытянул руку, нахмурился, глядя на старые обои, которыми были оклеены стены коридора. «Что я всем скажу? Ребят, заходите, только бабка, которая все эти годы прятала проход, сказала не трогать стены. Почему? А я не знаю». Не успев опомниться, коснулся стены рукой.

Пальцы вдавили обоину на несколько сантиметров внутрь, будто та была из тонкой резины. Я набрался смелости и надавил сильнее... Моя рука потемнела. Кожа мгновенно огрубела, покрылась чешуйками, фаланги пальцев вытянулись, ногти заострились. Я вскрикнул, отпрыгнул в сторону, хватаясь другой рукой за ту, что менялась на у меня на глазах. Через мгновение решился снова взглянуть на нее. Кожа еще была темной, но светлела на глазах, пальцы и ногти снова стали прежними.

Я прерывисто вздохнул, с облегчением вытирая выступивший на лбу пот. И заметил краем глаза, что стена, в том месте, где я ее коснулся, тоже изменилась. Она теперь напоминала стекло, на котором пропадал, растворяясь, рисунок пожелтевших от времени советских обоев. За тонкой и мягкой перегородкой, которая минуту назад казалась твердой стеной, показался другой, чужой мир. Наполненный существами с темной, чешуйчатой кожей, с острыми когтями. И все они в один миг обернулись, словно только сейчас заметив открывающийся проход в наш мир.

Кажется, я ни разу в жизни не визжал таким звонким, почти девчачьим голосом. Отшатнулся от полупрозрачной стены, попятился, уперевшись в стену напротив. Поздно сообразил, что сзади такая же резиновая мягкость. Отскочил и от нее, но успел заметить, что кончики пальцев которые ее коснулись, приобрели на мгновение разноцветный блеск и прямые грани хрусталия. По стене расплзлось еще одно пятно, открывая другой, режущий глаза своим блеском мир, и в нем тоже что-то шевелилось, подползало ближе...

В ужасе от того, что натворил, я со всех ног бросился в машинное отделение. Господи, как я быстро бежал! Позади раздались звон и рычание. Надеюсь, эти твари схлестнулись друг с другом, и это остановит их на какое-то время. Сколько еще миров можно открыть, касаясь пальцами стен?

Добежал, кубарем скатился по ступенькам, захлопнув за собой дверь. Сможет ли она их сдержать? Стоп, сейчас есть вопрос поважнее... Как отключить машины, поддерживающие проход?! Кроме шкал и циферблатов никаких кнопок, рычагов. Я судорожно шарил руками по холодному металлу, перемещался вдоль шкафов, высматривая хоть что-то, напоминающее рубильник.

За дверью раздался вой, потом снова рычание.

Я вдруг вспомнил о неизвестном, встретившим здесь свою смерть. Он ведь был военным. Бросился к его останкам, не стесняясь стал шарить среди полуистлевшего тряпья, наткнулся на что-то твердое. Кость? Нет, приятно холодит кожу. Вытащил, посмотрел ближе. Пистолет! Да!

По металлической поверхности дверей заскребли.

Очень хотелось верить, что оружие выстрелит. Направил на один из циферблатов, попытался нажать на спусковой крючок. Ничего не произошло. «Предохранитель! Там должен быть чертов предохранитель!». Раньше я никогда не пользовался огнестрельным оружием, лишь

приблизительно представляя, как оно работает, да и то по голливудским боевикам. Все-таки нашел рычажок, перещелкнул его, с трудом потянул на себя затвор.

Нет. Ничего. Нажатие на спусковой крючок – и никакого эффекта. А что еще ожидать от пистолета, пролежавшего без ухода десятилетия? В ярости ударил по циферблату рукояткой оружия. Стекло разлетелось вдребезги, тонкая стрелка погнулась, жестяная подложка с нарисованными цифрами провалилась внутрь шкафа, открыв небольшое отверстие.

По двери стукнули так, что на ее поверхности появилась внушительная вмятина.

Я, словно сумасшедший, стал разбивать все индикаторы, шкалы... Наконец в одном из отверстий, появившемся на месте разбитого прибора, разглядел несколько проводков, до которых мог дотянуться. Подцепил их пальцем, потянул на себя. Довольно толстые, перекусить или разорвать нечем, кроме как... Решился, взял в зубы и рванул. Два разорвались, третий не поддался. Я хотел было расправиться и с ним, но, видимо, случайно замкнул уже разорванные. Хлопок, сноп искр... Меня отбросило в сторону.

Дверь едва держалась, готовая вот-вот слететь с петель от нескончаемых ударов.

Но гул машин уже изменился, он стал на тон выше, напряженнее, я заметил, что целый ряд стрелок сместились в красную зону. Успею ли найти еще одно уязвимое место? Вряд ли. Отошел в дальний конец машинного зала. Еще пара ударов, и... В этот момент все приборы зашкалило, стрелки прыгнули сначала в одну сторону, потом в другую. Гул перешел в вой, перекрывающий жуткое, звериное рычание за дверью. От хлопка и появившегося вслед за ним пучка молний выбило одну секцию металлического шкафа. Потом другую, третью... Я бросился на пол, закрыв голову руками.

Все стихло минут через пять. Помещение было затянуто дымом, воняло горелой резиной и пластмассой. В кромешной тьме я поднялся, спотыкаясь на обломках добрался до измятой двери. Кажется, с той стороны тоже было тихо. Сумел повернуть ключ и рывком распахнуть дверь. Коридора не было. За дверью не было вообще ничего, лишь спрессованный глинистый грунт.

Я провел несколько часов, на ощупь обыскивая свою темницу. Где-то там, в нормальном мире, уже, наверное, было утро. Как мне удалось нащупать маленькое отверстие еще одной замочной скважины – я до сих пор не понимаю. Вторая дверь в противоположной стене была так идеально подогнана, что обнаружить ее края, щели было абсолютно невозможно. Открыл ее тем же ключом. По винтовой лестнице поднимался этажей десять, потом еще искал выход из бетонного бункера, и, наконец, вывалился из него на траву. Вокруг шумел лес. Прохладный сентябрьский воздух пьянил, но поднимающееся солнце обещало теплый день.

Я не попал на экраны федеральных каналов. Только на страничку одной газеты, слегка желтоватой. Да и то в качестве чудаковатого грибника, вышедшего из леса после трехдневных скитаний. Вернулся в город, в свою съемную комнатенку. Коридор к ней выглядел вполне обычно, только обои в нескольких местах оказались разорваны. Я съехал на следующий же день, оставив старушке весь задаток. Она ничего не спрашивала, только сказала на прощанье «данке».

Драконы вернулись

Земля, 2101 год. Или 2102-й? Хм... Сложно сказать. В период Излома все потерялось – дни, месяцы, годы. Мать, пока была жива, утверждала, что точно помнит дату, но на самом деле она не помнила даже дорогу домой, когда ходила за водой на бетонное озеро. Каждый раз возвращалась новым маршрутом. Так и сгинула однажды, не вернулась. Впрочем, что касается года, я ей почти верила. А вот день придумала сама, когда подросла. Выпал снег, и я решила, что это будет середина осени, пятнадцатое октября. Названия месяцев и число дней в каждом я знала по старому, выцветшему календарю, что висел на стене моей комнаты. На нем был портрет пожилого мужчины и странный призыв за кого-то голосовать. Да, читать и писать я тоже умею, мать успела научить.

Итак, сегодня второе декабря две тысячи сто первого года.

Ходила с утра ловить рыбу. Года три назад у меня была леска. Она несколько раз рвалась, но я умудрялась ее использовать снова и снова, укорачивая, связывая узелками. Потом горбатый сом утащил ее всю – с узелками и удочкой. Хорошо меня не уволок, с него станется. На бетонном озере вообще лучше к воде не подходить, мало ли что оттуда выскочит. А если уж набираешь ведро, так с ломаного моста, оттуда же я и рыбу ловлю. Теперь гарпуном. Сама сделала!

Как называются эти толстые рыбы – я не знаю. С моста их хорошо видно: глупые, подплывают близко, стоит только камешек бросить. Не особо вкусные, но зато их загарпунить можно, а то ведь тыкать острой палкой в мелкую рыбешку бесполезно.

На глубине есть одна труба, по которой в озеро вода поступает, и другая, по которой вытекает. Вода теплая, где-то нагревается. Может, даже вредная. Но я пока не померла, так что пью. Зато теплая не замерзает зимой. Без воды было бы мне кранты!

В общем, поймала я трех толстух. Пока хватит.

Слушала весь вечер пластинки. Разные, вперемешку. То сказки детские, то джаз, то какую-то громкую, непонятную музыку. А мне все равно, лишь бы не в тишине. Раньше мать ругалась, говорила, чтоб я не шумела, а то придут отморозки с развалин города. Убьют обеих и сделают что-то еще, плохое, я не поняла. Но никаких отморозков давно уж нет, это я точно знаю. Сами, наверное, сдохли. Оно и немудрено, кто там выживет, на развалинах?

Если б не надо было дрова заготавливать, я бы печь всю ночь топила. Люблю рядом с огнем. Так и заснула у камина, в куче пластинок.

Жуткое дело. Уф! Даже не знаю, с чего начать...

Иду я с ведром воды, поднимаюсь к дому от озера. Вдруг слышу какой-то шум – все ближе и ближе. Будто через лес сто медведей бегут, деревья и кусты ломают. Замерла на месте, стою, жду. А чего мне делать? Бежать тут особо некуда, до дома не успею. Съедят так съедят...

И тут из леса появляется дракон! Ну, как дракон... Настоящих-то я не видела, да может и не бывает их, только в сказках, но очень уж похож! Огромный, в три моих роста, с чешуей, головой зубастой на длинной шее. Мутант, скорее всего. И да – с крыльями, с крыльями! Аж дух захватило.

Но не взлетает, только машет этими крыльями, лапами переступает, идет себе упорно вперед. Надо сказать, прошел он, зараза, прямо через картофельные грядки – широченную борозду оставил!

В общем, заметил, остановился. Наверное, выдал меня платок, красный, на шее повязанный. Дракон пасть разинул и зашипел. А я вижу, что из туловища у него, совсем рядом с тем

местом, где левое крыло начинается, палка торчит. Ну, вроде моего гарпуна. Он когда крыло поднять пытается, все время за эту палку задевает, потому и взлететь не может. На шее полосы с кровью – видно, пытался сам ее когтями достать, но не дотянулся.

Нельзя так оставлять, мучается ведь животное. Подошла поближе. Да, я глупая дура, что с меня возьмешь, восемнадцать лет. Он заволновался, хотел... Не знаю, чего хотел, может, голову мне откусить, но палку я быстрее выдернула. Ох, как далеко и долго я летела! Дракон взревел, лапой меня отбросил, на месте вьюном закрутился, пытаюсь до раны языком дотянуться. Про меня и забыл, слава Солнцу. Я и сама себя забыла, минут на пять, потому что головой о валун приложилась.

Когда очнулась, дракона уже не было. Посмотрела на снег, на огромные следы: подходил он ко мне, пока я в отключке лежала. Почему не сожрал? Не знаю... А дальше следы обрывались, взлетел все-таки.

Теперь вот спина болит, да и голова тоже. Весь ужин в помойную канаву выблевала. Мама бы сказала – сотрясение, она в этих делах хорошо шарит.

Отлеживаюсь на кровати, смотрю на мужика, который «Голосуй за...». Дальше стерлось. А что, ничего такой мужик, симпатичный. Наверное потому, что других-то я и не видела. Завернусь сейчас в одеяло, закрою глаза, сделаю себе хорошо.

Я давно думала проверить развалины. Знаю, нечего там смотреть. Но вдруг? Вдруг в каком-нибудь складе, магазине, что-нибудь интересное завалялось? Или в уцелевших домах. Там же люди жили, у них разные вещи были. Откуда мама в свое время проигрыватель с пластинками приволокла? Ну вот!

Решилась. Одеюсь потеплее – зима все-таки, взяла рюкзак, гарпун, и пошла. Пока с нашего холма спускалась, все время назад оглядывалась, запоминала дорогу. Это только кажется, что ничего сложного, а как повернешь, так и глаза разбегутся – куда идти? Я уж это знаю, проверено.

Окраинные кварталы совсем плохие, полнейшая разруха. Быстро их проскочила. Видела стаю бродячих собак вдалеке, но ветер на меня, не учуяли. А и учуяли бы, так отобьюсь, немного их, слабые и тощие.

Вот дальше интереснее пошло: то один, а то и два этажа здания уцелело, где-то и совсем нетронутые дома стоят. Куда попало не совалась, все-таки с оглядкой, мало ли. Но если место безопасным казалось, проверяла. В одной квартире старую аптечку нашла, лекарства в ней какие-то. Взяла с собой, дома разберусь. В другой нож хороший, с деревянной ручкой, не ржавый почти. Приду – шкуркой его пошоркаю.

Карты города у меня нет, к сожалению. С материнских слов только знаю, где какой район, в каком что было. Я к центру продвигалась, там много больших магазинов. В полдень вышла на железную дорогу, она к вокзалу ведет. Несколько параллельных линий из металла, заржавевших уже, поперек множество бетонных поперечин. Никогда ее своими глазами не видела, интересно. Один вагон по пути попался – в окнах чернота, стекол нет... Обошла стороной, кустами, черт его знает, что там внутри.

Уже ближе к вокзалу, когда линий стало совсем много и они плавно загибались налево, обходя промышленный квартал, заметила впереди целый поезд. Много-много вагонов, стоящих друг за другом. Подходила медленно, настороже, но вокруг тихо, ни звука, ни шороха, вроде как безопасно. У одного из вагонов, на каменной насыпи, заметила фигуру. Неужели человек? Фигура сгорбленная, сидит, голова вниз опущена. Может,дохлый? Подошла ближе, выставила гарпун. Не, вроде живой, но такой старый, что немногим от мертвого отличается.

– Эй! Ты кто?

Старик медленно повернулся, и как-будто даже приподнял уголки рта, изображая улыбку. Впрочем, не уверена.

– Чего молчишь? Разговаривать не умеешь, что ли?

Вот тут-то я и попалась. Из вагона, с обеих сторон – сзади и спереди от меня – повыскакивали люди. Мужики, в потрепанной, рваной одежде. Ох, мамочки... Отморозки!

Мне терять нечего, ничего в жизни не видела хорошего, и дальше будет так же. То есть живой я даваться не хотела. Заорала, кинулась на первого попавшегося. Не знаю – убила, или нет, но в каком-то месте я его проткнула. Остальные вроде отшатнулись, да ненадолго, снова стали надвигаться, всей толпой. Я спиной к вагону, головой вправо-влево верчу, гарпуном перед собой тыкаю. Еще одного зацепила, но палку мою схватили, дернули на себя, и тут уж все! Дотянулись... Как ни брыкалась, кулаками ни размахивала, попадая по страшным, небритым мордам, а все равно ничего сделать не могла. В последнюю секунду нож выхватила, полоснула одного по одежде, но меня тут же на камни свалили, рванув за красный платок. Ткань с треском разошлась, со всех сторон посыпались удары – о сохранности моего лица они не заботились...

Очнулась уже внутри вагона. Лежу на полу, руки связаны, над головой голоса, смех. «Съесть, убить!.. Приласкать!.. Но потом съесть!..». Толкнули ногой. Опять засмеялись.

День клонился к закату. Отморозки что-то ели, пили, хмелея и выкрикивая ругательства. Несколько раз выясняли друг с другом отношения, до кровавого мордобоя. Под занавес вакханалии я досталась самому сильному. Подхватил он меня, словно куклу, перекинул через плечо, и шатающейся походкой унес в свою берлогу, небольшую комнату в соседнем вагоне. Повалил на кровать, стал с себя одежду стаскивать. Ну и воняло же от него! Чувствую, будут мне сейчас «что-то плохое делать»... Но так и не сняв штаны, отморозок завалился на соседнюю койку. Захрапел.

«Пить надо меньше». Выбор – что делать – у меня небольшой. Тут же выскочить и бежать не получится, заметят. Да и куда со связанными-то руками. Принялась тереть веревку о железный выступ. Толстая веревка, плохо перетирается, черт бы ее побрал! Где они ее только и нашли. Один раз мой герой проснулся, потянул было вожделенное тело к себе, но все равно отрубился. Запястья, казалось, истерла сильнее, чем веревку, до кровавых мозолей. Но продолжала, продолжала, продолжала... Когда освободилась, за окном уж забрезжил рассвет.

Осторожно вышла из комнаты, переступая через спящие тела, пробралась к выходу. Спустилась на каменную насыпь. Посмотрела вокруг – куда бежать? Решила рвануть через пути, к промышленному кварталу, там есть, где схорониться. И только припустила, перепрыгивая ржавые линии, как позади – баммм! Оглянулась: этот отвратительный старикашка, все так же сидевший у вагона, ударил железякой по куску подвешенного рельса. «Баммм! Баммм!». Вот же скотина! Вот же... тварь!

Бежала со всех ног. Но позади проснулись, бросились в погоню. Упала, поднялась. Сил нет, ночь не спала, не ела ничего со вчерашнего. Аж слезы на глаза навернулись от обиды. Снова оглянулась: догоняют, обходят с двух сторон. А впереди – только сейчас заметила – забор бетонный, метра два высотой. Переползу? Нет. Остановилась, затравленно озираясь. Подобрала булыжник...

И тут отморозки уменьшили прыть, некоторые и вовсе назад попятились. Я ничего не понимаю, стою с камнем в руке, готовая отбиваться до последнего. А меня тенью накрыло, будто какая туча внезапно надо мной образовалась. Подняла голову – ах ты, чешуйчатый летун, вот же он, завис, крыльями машет!

Опустился рядом, прикрыл собой. Мордой к мне поворачивается, а в зубах у него красная тряпица – платок, который вчера с моей шеи сорвали и выбросили. Это ты по нему меня нашел, что ли? Вот ведь умница!

В горле у дракона заклокотало. Не видела я остального, глаза закрыла. Чувствовала только жар и слышала крики – жуткие, страшные. Потом старалась не смотреть на рельсы и горящие вагоны, кое как выбралась оттуда, да напрямик домой. А он летел надо мной, при-

сматривал. Это только в сказках можно у драконов на шее летать, а нашему мутанту на шею не сядешь. Сам решит, кого казнить, кого миловать.

Высшая мера

Я преступник. Рецидивист. Меня отправили в ссылку на три года. К вам, на Землю. И я уже не хотел возвращаться! Закатил истерику, когда вернули, кричал, лез в драку... В общем, недопустимое поведение. Почти девяносто восемь из ста по шкале запрещенной эмоциональности. Убили бы, но – гуманное общество! Дали пожизненное и выперли обратно, на Землю-матушку.

И вот я здесь – без денег, без работы, без крыши над головой. Сам по себе. Но я счастлив! Потому что у вас тут селедка с вареной картошкой, грибной дождь летом, осенью ворох желтых и красных листьев, аттракционы в парке развлечений, пенный прибой на берегу моря, ролики на ютубе, разные страны, разные люди, счастье, слезы...

Я украл кошелек. Что с меня, рецидивиста, возьмешь? Но не у бедного человека, вы не подумайте! Этот был в дорогом пальто, с кожаным портфелем. Не последние у него деньги. А мне нужно с чего-то начинать, правда? Снял маленькую комнатку на краю города, пошел искать работу. А встретил ее. Рыжую, чуть конопатую. Длинные волосы завивались пружинками, карие глаза скромно смотрели на носки ботинок, которыми она пыталась проделать канал из большой лужи.

– Здравствуйте.

Нахмурилась, посмотрела недоверчиво. А я вдруг сорвался с места, купил за углом на все оставшиеся деньги букет цветов, и... Ее уже не было на месте. Кинулся в одну сторону, потом в другую – ушла.

Сел на скамейку в парке. Сердце билось, не желая притормаживать. В руке крепко сжимал букет, чувствуя колкие шипы роз. Кусал губы, вытирал рукавом глаза. Наверное, сто из ста. Вот значит, что такое высшая мера.

– Куда же вы пропали? Здороваетесь, а потом убегаете.

Поднял голову. Рыжулька протягивала мне бумажный стаканчик с какао.

Симулятор

– Мне нужен симулятор.

– Отлично! Вы обратились по адресу! У нас большой выбор.

Продавец взял меня под руку, проводил к витрине, ценники на которой заставили бы сконфузиться кого угодно. Он это заметил и, неловко хмыкнув, подвел к следующей витрине, где были выставлены образцы попроще.

– Обратите внимание на этот экземпляр: не требует переключения режимов, подстраивается под ваши надобности автоматически.

Я с сомнением поглядел на плоский прямоугольный медальон, размером чуть меньше спичечного коробка.

– А что у него с защитой?

– Фирменная оболочка компании «Смартсмайл», полная гарантия от хакерского взлома!

Я в задумчивости прикусил губу.

– Послушайте, а нет ли у вас... – наклонился к нему, заговорил тише, – Чего-то, наоборот, менее защищенного?

Улыбка продавца зависла в максимально растянутой позиции.

– О... Понимаю, понимаю. Для любителей кастомизации есть, например, вот такая модель.

Он показал еще на одно устройство, чуть потолще, с разборным корпусом. Я присмотрелся.

– Можно попробовать?

– Конечно!

Симулятор был извлечен из-за стекла, активирован и подключен к айпи моего нейро.

– Не слишком дорого, и не так изящно, как более дорогие модели, но, смею вас заверить, собрано из комплектующих самого высокого качества! Не идет ни в какое сравнение с копиями, которые штампуют на лунных и марсианских колониях. Давайте проверим...

Продавец пролистал меню на маленьком экране, выбрал один из пунктов.

Меня вдруг разобрал смех. Не сдержавшись, я прыснул, а потом и вовсе залился громким хохотом. Довольный торгаш умилился моей реакцией.

– Каково, а? Только натуральные эмоции! Если верить инструкции... э-э... Да! Искренность близка к девяносто пяти, девяносто восьми процентам!

Я уже схватился за живот от смеха, а меня все не отпускало.

– Мда... – продавец отключил симулятор.

Отпустило. Я достал носовой платок, вытер слезы.

– Это была реакция на качественный юмор. Попробуем другие режимы?

– Нет-нет! Я... Я верю. Уф...

Он подцепил ногтем крышку устройства, продемонстрировал мне его внутренности.

– Вот регуляторы, видите? А это порт для подключения к компьютеру. Разберется даже ребенок!

Чувствуя себя ребенком, который купил конфеты без маминого разрешения, я вышел из магазина, перекатывая в кармане чудное устройство. Быстрым шагом преодолел расстояние в пару кварталов, влился в толпу гостей и жильцов многоэтажного здания, поднялся к себе в квартиру, на сто семнадцатый этаж. Скинул плащ, на обувь терпения уже не хватило – прошел в комнату так, в туфлях. Подключил симулятор к компьютеру.

Понятное дело – торгаш приврал: в настройках разобраться оказалось не так-то просто. Но я терпеливый. После двух чашек безкофеинового кофе, трех безникотиновых сигарет и четырех часов возни, результатом которой стала пропитанная потом рубашка, нужные раз-

дела и подразделы в настройках были найдены и взломаны. А главное – к симулятору был подключен модуль перехвата. Теперь я им покажу! По такому поводу можно порадовать себя бокалом безалкогольного виски.

С моим-то нерешительным характером, да еще в век тотальной безэмоциональности и равнодушия, очень сложно строить личные отношения. Чего только я не пробовал! Пока не остался один единственный выход... И вот я иду по улице, украдкой поглядывая по сторонам. В кармане модифицированный симулятор. Модифицированный настолько, что за него меня могут отправить на рудниковые шахты в пояс астероидов.

Увидел в метро девушку. Скромная брюнетка, на лице проекционные очки. Именно тот тип женщин, который всегда вызывал во мне потаенный интерес. Аж дух захватило! Вошел с ней в один вагон. Мы проехали четыре станции, потом она двинулась к выходу. Я последовал за ней, стараясь держаться как можно ближе, нажал на кнопку устройства. Уже на перроне она остановилась, задумчиво опустив голову, потом резко обернулась.

Ожидая получить пощечину, я спросил прямо:

– Поедем к тебе?

Она смутилась, пробормотала что-то вроде «у меня мама дома», но вдруг решительно взяла меня за руку, потащила куда-то вперед.

– Отправим маму погулять!

За последующие несколько дней жизнь моя переменялась. Квартира наполнилась новыми, приятными запахами. Я уже не удивлялся, когда находил в спальне и ванной забытые предметы женского туалета. Я слышал столько слов, произнесенных мягкими, нежными губами, столько обещаний и признаний, что самооценка моя выросла просто до небес. Господи, как же мне было хорошо!

А потом пришла она.

– Артем Умниченко?

– Д-да...

Сунула мне под нос удостоверение.

– Надежда Ловцова, инспектор полиции нравов.

Я открыл дверь, впустил ее в квартиру.

– Проходите...

Она прошла, оглядываясь по сторонам.

– Поступил сигнал. По правде говоря, даже несколько сигналов.

– Каких... сигналов?

Девушка остановилась посреди гостиной, посмотрела мне в глаза. Я стоял перед ней в одном домашнем халате, шуршал руками в карманах, но они были пусты. Симулятор я оставил на тумбочке, в спальне.

– Подозревается перехват симуляционного нейромодулятора.

Я приоткрыл рот, сел в кресло. «Все, теперь рудники».

– И вы пришли, чтобы меня...

– Я пришла предупредить, что если случится еще один такой инцидент, у меня не останется выбора. Понимаете?

Нет, не понимал. «Неужели меня не арестуют?».

– Мы стараемся не наказывать, а предотвращать нарушения, и наставлять человека. У меня есть право взять под надзор подозреваемого и самостоятельно решить – нужно ли его привлекать к ответственности.

Я молчал, обдумывая сказанное. Значит, еще есть шанс? Рудники отменяются?

Надежда мурыжила меня своими наставлениями одну неделю, другую... Я обязан был встречаться с ней каждый день, она водила меня в кино, на прогулки в парк, заставляла отключать мой обычный, не модифицированный стимулятор, чтобы я учился правильно управлять

своими эмоциями, чувствами. И со временем угнетенное состояние, вызванное тем, что я попался, стало исчезать.

Надя ни разу не спросила о запрещенном устройстве, как будто его и не было вовсе. Похоже, она считала, что меня можно простить, дать еще один шанс. Что ее работа закончена. Но почему-то медлила, не спешила отменять обязательные встречи.

Мы шли ко мне домой, она провожала меня. Да, это глупо, но что в нашем мире не глупо, скажите мне? Мы держались за руки и со стороны вполне могли сойти за пару. Я предложил ей кофе, она согласилась. Долго ждали очереди к лифту, наконец поднялись на сто семнадцатый этаж. Я оставил ее в гостиной, сам пошел на кухню. Открыл шкафчик, достал с верхней полки баночку. Внутри, на горке черного молотого порошка, лежал мой модифицированный стимулятор, аккуратно завернутый в полиэтиленовый пакет. Я и забыл, что спрятал его сюда. Черт, надо было раздавить каблуком, спустить в мусоропровод...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.